

УДК 82-65

Сапченко Л.А.

(г. Ульяновск)

**«ОНА БЫЛА ОДНИМ ИЗ БЛАГОДЕТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВ
ДЛЯ ДУШИ МОЕЙ» (О ПЕРЕПИСКЕ Н.М. КАРАМЗИНА
С ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕЙ ЕКАТЕРИНОЙ ПАВЛОВНОЙ)¹**

Аннотация. Эпистолярный Н.М. Карамзина – малоизученная, но крайне важная часть его наследия. Его восьмилетнюю (1810–1818) переписку с сестрой императора Александра I, Екатериной Павловной, можно рассматривать как источник сведений о его политических и нравственно-философских взглядах. Письма отразили изменения в мировоззрении Карамзина: от надежд на «нежный союз чувств и всеобщее благоденствие» он уходил к идее непостижимости законов истории, к ожиданию пробуждения от «сна жизни» и прозрения в ином мире.

«Записка о древней и новой России», созданная по вызову великой княгини, равно как и составленный для нее альбом с выписками из европейских мыслителей по вопросам государственного устройства и общественной морали, показывает, что изучение писем Карамзина в аспекте адресации должно быть дополнено исследованием исторического и литературного контекста. Исследуемые документы свидетельствуют о внутреннем состоянии русского общества в 1810–1820-е годы – один из наиболее драматических моментов его истории.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, переписка с великой княгиней Екатериной Павловной, мировоззрение историографа.

L. Sapchenko

(Ulyanovsk)

**“SHE WAS ONE OF THE BENEFICENT BEINGS FOR MY SOUL”.
(ABOUT N.M. KARAMZIN’S CORRESPONDENCE WITH THE GRAND
DUCHESS CATHERINE PAVLOVNA)**

Abstract. N.M. Karamzin’s epistolary heritage is an insufficiently explored but very important part of his legacy. His eight yearlong (1810-1818) correspondence with Catherine Pavlovna, Tsar Alexander I’s sister, can be regarded as a source of information on his political, moral and philosophical views. The letters reflected the change in Karamzin’s world outlook: from hopes for a “gentle alliance of feelings and universal welfare” he went to the idea of the incomprehensibility of history laws, to the expecta-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. № проекта 12-14-73000.

tion of awakening from the “life of dream” and revival in a different world.

The “Note on Ancient and Modern Russia”, created by the Grand Duchess’ call, as well as the album made up for her with excerpts from European thinkers’ works on the matters of governmental system and public morality, show that the study of Karamzin’s letters in terms of addressing should be supplemented by the study of the historical and literary context. The documents being studied give evidence to the internal state of the Russian society in one of the most dramatic moments in its history (1810–1820).

Key words: N.M. Karamzin, correspondence with the Grand Duchess Catherine Pavlovna, historiographer’s world outlook.

Эпистолярный Н.М. Карамзина – важнейшая часть его наследия. Именно в посланиях к близким и друзьям приоткрываются его политические, философские, эстетические, нравственные, религиозные взгляды, вехи его духовного пути, его подлинная личность. Между тем эти письма редко становятся предметом специального рассмотрения.

Из множества возможных научных подходов к эпистолярному жанру едва ли не определяющее значение имеет исследование фактора адресации.

Круг адресатов Н.М. Карамзина широк, однако письма к некоторым из них занимают особое место, обусловленное высокой степенью самораскрытия адресанта, исключительной информативностью о его личности.

Среди тех, кто получал от Н.М. Карамзина такие письма, следует назвать И.И. Дмитриева, А.И. Тургенева, П.А. Вяземского, И.А. Каподистрия. Существенный интерес представляет переписка Карамзина с царской семьей – Александром I, императрицами Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной, а также с сестрой императора Екатериной Павловной. Ее личность и деятельность привлекали и привлекают к себе внимание исследователей. В последнее время появилось немало работ о роли Екатерины Павловны в российской внешней и внутренней политике двух первых десятилетий XIX в., причем ни одна из статей не обходится без обращения к карамзинской «Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», написанной по вызову великой княгини и предназначенной для ее царственного брата.

«В конце 1809 года, – сообщает М.П. Погодин, – Государь Император Александр Павлович был в Москве вместе с Великою Княгиниею, Екатериною Павловною, и сказал Карамзину несколько приветственных слов, встретясь с ним на бале. Великая Княгиня осыпала его ласками, познакомясь с ним, кажется, через родственника ему по первой жене, графа Ростопчина, и пригласила к себе в Тверь» [11, с. 65].

15 февраля 1810 г. Карамзин, адресуясь к брату Василию Михайловичу, пишет о том, что исполняя волю Екатерины Павловны, они с женой находились в Твери и читали страницы «Истории...» великой княгине и великому князю Константину Павловичу. Шесть дней чета Карамзиных пользовалась искренним гостеприимством и пленительным расположением августейших особ². В декабре того же года Карамзины снова посетили Тверь и были осыпаны новыми знаками милости со стороны великой княгини. «Она русская женщина: умна и любезна необыкновенно, – писал Карамзин брату. – Мы прожили около пяти дней в Твери, и всякий день были у нее. Она хотела даже, чтобы мы в другой раз приехали туда и с детьми» [5, с. 479].

Разговоры с великой княгиней велись, как отмечает Погодин, о состоянии России, о новых государственных мерах, предпринимаемых правительством. «Карамзин выражал искренно свое мнение, далеко не благоприятное. Умная, пылкая, очарованная Карамзиным, Великая Княгиня просила его изложить свои мысли непременно на бумаге. Брат мой, говорила она, достоин их слышать» [11, с. 68].

В письмах Екатерины Павловны к Карамзину мы найдем строки о «Записке», о нетерпеливом ожидании ее завершения: «Жду с нетерпением *Россию* в ее гражданском и политическом отношениях» (14 декабря 1810 г.); «С нетерпением ожидаю вас и *Россию*» (5 января 1811 г.) [3, с. 89].

Предполагалось, что идеи Карамзина, его критические оценки русской истории и современности, выраженные превосходным слогом историографа, смогут повлиять на позицию Александра и предостеречь его от слишком смелых (с точки зрения консервативной партии) проектов.

«Карамзин хотел, разумеется, чтобы записка его сделалась известной Государю, – пишет М.П. Погодин. – Для молодой женщины не стал бы он тратить свое драгоценное время, да и что могла бы сделать с нею Великая Княгиня» [11, с. 69]. Перед историографом открывалась уникальная возможность – прямо изложить царю мнение о нем как о государственном деятеле, о его политике и о его царственных предшественниках. По словам Пушкина, «Карамзин написал свои мысли о древней и новой России, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого...» [8, с. 45].

Первую половину февраля 1811 г. Карамзины снова провели в Твери в гостях у великой княгини и ее супруга, Георгия Ольденбургского.

В письме к Дмитриеву Николай Михайлович передает свое очарование сердечным приемом, длительными ежедневными беседами между ис-

---

² В этот период жизни Карамзина не могли уже обманывать улыбки судьбы. «За это кратковременное удовольствие, – пишет он брату, – заплатил я после слезами о кончине нашей незабвенной сестры (урожденной княжны Вяземской. – Л.С.) и моею жестокою болезнию» [6, с. 476].

торическими чтениями, говорит о том, что «Великая Княгиня во всяком состоянии была бы одной из любезнейших женщин в свете» и что «Принц имеет ангельскую доброту и знания необыкновенные в некоторых частях» [6, с. 137]. Те же чувства отразились в письме к брату: «Любезность и милость Великой Княгини трогают мою душу. Принц имеет ангельское сердце и знания» [5, с. 480]. Карамзин повторяет, что часы, проведенные с ними, он причисляет к счастливейшим в своей жизни, а «милостивое расположение» августейшей четы составляет одно из главных его утешений.

Все это позволяло историографу надеяться на конструктивный диалог с императором. Екатерина Павловна убеждала Карамзина в «совершенстве того существа» [3, с. 90], которого, как она желала, обожал бы и Карамзин, и уверяла, что император того достоин. Великая княгиня сообщала о скором приезде Александра в Тверь и призывала Карамзина быть готовым.

Государь, как пишет Погодин, «принял Карамзина с отменным благоволением, беседовал с ним несколько раз, выслушал с великим вниманием чтение Истории, узнал его мысли о самодержавии, даже с ним не согласные» [11, с. 81]. Этот момент Екатерина Павловна сочла наилучшим для передачи «Записки» – «и ошиблась» [11, с. 81]. «Государь прочел или пробежал Записку, вероятно, на другой день, 19 марта, поутру, по крайней мере то, что относится к собственным его действиям, и был огорчен, раздражен, приведен в негодование, что и выразил на первый случай, вольно или невольно, своею холодностию» [11, с. 81].

При отъезде из Твери, спрашивая о своей «Записке», Карамзин получил ответ Екатерины Павловны: «Записка ваша теперь в хороших руках», но едва ли этим ответом она успокоила историографа, «смущенного внезапною переменою в обращении Государевом» [11, с. 82].

Говоря о том, что Александр I «умел быть человеком на троне» [4, с. 295], автор «Записки», он же, по словам Пушкина, «прямодушный подданный», по всей видимости, надеялся на понимание. В то же время, как пишет Ю.М. Лотман, «трудно найти в истории пример», где бы подобная возможность использовалась для того, «чтобы высказать максимум горьких истин» [10, с. 591], но возможность говорить правду давали ему права друга и гражданина.

Рассматривая традицию государственных преобразований в России после Петра I, Карамзин видит цепь неудач: «ни один из законодательных проектов не был доведен до конца, ни один не сделался реальностью в политической жизни страны» [4, с. 592]. Все это определило скептическое отношение Карамзина к самой идее правительственных реформ.

Сопоставляя преимущества и недостатки монархической и республиканской форм правления, Карамзин делает выписку из Ж.Ж. Руссо и поме-

щает ее в рукописный альбом, составленный для великой княгини: «Найти форму правления, которая поставила бы закон выше человека – это задача не менее неразрешенная, чем квадратура круга; и поэтому надо перейти к другой крайности и поставить вдруг человека выше всякого закона, т.е. установить неограниченнейшее самодержавие: я бы желал, чтобы самодержец был Бог» [7, с. 162]³. Другими словами, править миром и человечеством должно Абсолютное Благо, Абсолютное Добро.

Между тем российская история, как видит Карамзин, не дает таких примеров. Иоанн, «возлюбив кровь, лил оную без вины и сек головы людей, славнейших добродетелями» [4, с. 276]. Петр «унижал россиян в собственном их сердце», прибегая «ко всем ужасам самовластия» [4, с. 282]. Царствование Елизаветы «не прославилось никакими блестящими деяниями ума государственного» [4, с. 288]. «Усердно хваля Екатерину за превосходные качества души, невольно вспоминаем ее слабости и краснеем за человечество» [там же. С. 291]. Павел «господствовал всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти» [4, с. 292]. Подробно разбирает Карамзин и все ошибочные, с его точки зрения, действия Александра как правителя.

В начале «Записки» Карамзин говорит о создании волею Провидения обширнейшего государства в мире. Далее речь заходит о твердой руке монарха, о нравственном достоинстве государей, о народной добродетели, о любви к отечеству, о семейных нравах, а также о древних привычках. Но главное содержание Записки – добродетели монарха, его умение избирать людей, помнить правило мудрых, что «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надобно прибегать только в необходимости: ибо одно время дает надлежащую твердость уставам; ибо более уважаем то, что давно уважаем, и все делаем лучше от привычки» [4, с. 301]. «Законы народа, – пишет Карамзин, – должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений» [5, с. 318]. «Для старого народа не надобно новых законов» [4, с. 320].

Принципиальным был для Карамзина вопрос о личных свойствах государственного деятеля, о его душевных качествах. Между тем на страницах «Записки» встает неразрешимая проблема: добродетель и сила вещей. «Сила вещей неодолима» [4, с. 300], – понимает Карамзин, но и как силу воспринимает он высшую нравственность и мудрость. Лишь в немногих представителях человеческого рода надеется он найти любовь к общему благу, и потому для достижения общественных целей предлагает правите-

³ Слова Руссо из письма к маркизу Мирабо. См.: Rousseau à Victor Riquetti, marquis de Mirabeau. Trye le 26 Juillet 1767 // Rousseau J.J. Correspondance complète. Oxford, 1979. Т. XXXIII. N 5991. P. 240.

лю опираться на куда более распространенное честолюбие (на то, что относится к «силе вещей»), противопоставляя его, в свою очередь, корыстолюбию. Его волнует расточительность царских щедрот в аспекте безмерных требований монарших милостей – «денег, чинов и крестов», «чинов, лент, денег» [4, с. 308, 326] – со стороны приближенных. И в отношении государя, и в отношении подданных неотъемлемой остается нравственная составляющая проблемы, действенными механизмами решения которой Карамзин считает «обуздание господ жестоких», «исправление нравственное» крестьян [4, с. 313-314]. Возможность соединения силы вещей и нравственности Карамзин видит в извлечении законов народа (гражданских и семейственных добродетелей) из «понятий, нравов, обыкновений», т. е. из силы вещей. Но пока этого нет, важнейшей мудростью государя будет счастливое избрание людей («не формы, а люди важны»), первейшим его правилом будет – *«искать людей!»*. «Общая мудрость рождается только от частной. Одним словом, теперь всего нужнее люди!» [4, с. 323-324]. Карамзин убежден, что дела пойдут как должно, если государь найдет в России «50 мужей умных, добросовестных, которые ревностно станут блюсти вверенное каждому из них благо полумиллиона россиян, обуздают хищное корыстолюбие нижних чиновников и господ жестоких, восстановят правосудие, успокоят земледельцев, ободрят купечество и промышленность, сохранят пользу казны и народа» [5, с. 324].

Карамзин утверждает: «Не бумаги, а люди правят», но признает, что правит тот, кто наделен силой. Злонравию должна быть противопоставлена добродетель, облеченная властью. И потому второе правило, не менее существенное, есть: *«умейте обходиться с людьми!»* [курсив Н.М. Карамзина. – Л. С.] Мало ангелов на свете, не так много и злодеев, гораздо более смеси, т. е. добрых и худых вместе. Мудрое правление находит способ усиливать в чиновниках побуждение добра, или обуздывать стремление ко злу. Для первого есть награды, отличия, для второго – боязнь наказаний. Кто знает человеческое сердце, состав и движение гражданских обществ, тот не усомнится в истине сказанного Макиавелли, что страх гораздо действительнее, гораздо обыкновеннее всех иных побуждений для смертных ... Сколько агнцев обратилось бы в тигров, если бы не было страха! Любить добро для его собственных прелестей есть действие высшей нравственности, явления редкого в мире: иначе не освящали бы алтарей добродетели» [4, с. 325].

Нация уподобляется единому человеческому организму, индивидууму. Человек имеет свои привычки, согласно которым он живет, нация имеет свои обычаи. Люди болезненно воспринимают изменения привычных условий своего бытия, нарушение обычаев – угроза нравственному бытию нации. Человек есть смесь добра и зла, но подобно тому, как его добрые

начала должны обуздать то низменное и порочное, что есть в нем, так же и власть в стране, принадлежащая людям высшей добродетели, должна обуздать людей низких и злобных.

Гражданские добродетели Карамзин считал особенно важными потому, что они могут способствовать общему благу. Любовь к отечеству в возвышенных душах, их героические деяния становится, таким образом, залогом утверждения добра в душах обыкновенных, пробуждают высокие чувства в потомках.

В то же время историограф не имел никаких иллюзий относительно человеческих и монарших добродетелей. «...Мягкосердие тогда есть добродетель в венценосце, когда он умеет превозмогать оное долгом благоразумной строгости. ... Дайте волю людям, они засыпят вас пылью. Скажите им слово на ухо, они лежат у ног ваших» [5, с. 327]. Карамзин верит, что гражданские добродетели содействуют общественному благу. Таким образом, силе вещей противопоставляется искусство избирать людей, ей не подвластных, наделенных «превосходной добродетелью» и потому способных подчинить благородным целям силу вещей. Но «добродетель редка», предостерегает Карамзин государя, резюмируя: «Ищите в свете более обыкновенных, нежели превосходных душ» [5, с. 329].

Заканчивая, Карамзин писал: «Любя отечества, любя монарха, я говорю искренно. Возвращаясь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет царя и царство Российское!» [5, с. 332].

Карамзин стремился установить нравственное взаимопонимание между императором и подданным, наполнить иерархические отношения эмоционально-личностным содержанием. Чисто человеческие связи – любовь и дружба – брали у него верх над всеми другими, и они же давали ему право на прямоту суждений, на критику.

Самодержец в образе конкретной личности государя не имел духовной власти над Карамзиным; сын отечества, он не отдавал решение многих социально-политических вопросов на волю Александра, мужественно выражая независимое «мнение русского гражданина». Его бескорыстие, независимая гражданская позиция не раз сопровождалась потерей императорской милости, расположения.

Стараниями Екатерины Павловны было впоследствии устранено охлаждение императора к Карамзину, вызванное «Запиской». Александр вернул историографу свою благосклонность, что позволило Пушкину написать: «Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота» [8, с. 45].

Новые приглашения в Тверь Карамзин воспринимал уже с меньшим энтузиазмом: «Великая Княгиня зовет нас в Тверь. Люблю ее душевно и

признателен ко всем ее милостям; однакож, будучи усердным домоседом, не пленяюсь мыслью скакать по большим дорогам, жить дней по десяти в праздности и беспокоиться о детях. Время летит, а История моя ползет», – писал он 1 мая 1811 г. Дмитриеву [6, с. 144].

Повинуясь желанию Екатерины Павловны, Карамзин вместе с женой собирается в очередную поездку. 30 мая 1811 г. он пишет брату: «Мы с детьми прожили в деревне только две недели и возвратились в Москву с тем, чтобы завтра ехать в Тверь дней на восемь. Как ни приятно нам пользоваться милостию прелестной Великой Княгини, однакож грустно расставаться с малютками, да и моя история от того терпит. Впрочем, любя искренно Великую Княгиню, не могу не исполнить ее воли. Она пишет ко мне самые ласковые письма, и желает познакомить меня с отцом Принца, который теперь у них гостит. Человек редко-умный и добродетельный. Наполеон отнял у него Ольденбургское герцогство» [5, с. 481]. Письма Екатерины Павловны действительно были полны искреннего чувства к «учителю любимому» и другу, к российскому историографу⁴.

3 июня он писал Дмитриеву из Твери, приехав туда «без работы и без детей», что пробыл здесь четыре дня и завтра в ночь отправляется с женою назад в подмосковную, к детям. «Полубогиня Тверская все так же любезна, – отмечал Карамзин [6, с. 149], а в одном из следующих писем (9 августа) добавлял: «Кроме ее высокого сана, прелестей и достоинств личных, я должен любить Ее и за отменно милостивое ко мне расположение: эту приятную должность исполняю усердно и не по-придворному» [6, с. 154].

Следующее путешествие в Тверь пришлось на конец октября – начало ноября 1811 г. 9 ноября, уже после возвращения, Карамзин сообщал Дмитриеву, что десять дней пользовался милостями Великой Княгини, что теперь «сел опять на гнезде» и не скоро тронется с места [6, с. 158].

---

⁴ 25 мая 1811 г. великая княгиня писала Карамзину: «En voyant l'écriture russe de mon maître j'ai pris peur et ensuite il m'a fallu soutenir un combat: mon amour-propre luttait avec ma faiblesse, et, oh! honte, celle-ci l'a emporté; je pensais vous répondre en russe, mais je n'ose. Les traductions sont ajournées; je passe mes journées au sein d'une famille chérie et j'ose dire qui mérite de l'être, mais je dois vous avouer que sa présence nuit à l'étude. En appeler à l'homme sensible, à l'homme vertueux pour lequel aucune jouissance du coeur ne parait exagérée, à celui qui chérit la nature, c'est vous nommer. Soyez donc généreux et pardonnez moi de sacrifier au sentiment en dépit de la froide raison» [4, с. 94] «Увидев русское письмо моего учителя, я испугалась, а затем мне пришлось выдержать борьбу: мое самолюбие боролось с моей слабостью, и – о, стыд! – она одержала верх. Я думала отвечать вам по-русски, но я не смею. Переводы отложены, я провожу мои дни в кругу милого семейства, и – смею сказать – оно этого заслуживает. Но я должна вам признаться, что его присутствие мешает учению. Воззвать к человеку чувствительному, к человеку добродетельному, для которого никакие наслаждения сердца не кажутся преувеличенными, к тому, кто нежно любит природу, значит назвать вас. Так будьте великодушны и простите мне жертву чувствам вопреки холодному рассудку». – (Фр.).

В письме от 21 ноября 1811 г. великая княгиня благодарит историографа за подаренный ей альбом с выписками из европейских и русских авторов, содержащий высказывания древних и новых философов и писателей (Боссюэ, Монтеня, Руссо и др.) по вопросам власти, самодержавия, взаимоотношений между царем и подданными, т. е. по тем же проблемам, которые были поставлены в карамзинской «Записке о древней и новой России».

В альбоме Карамзин поместил близкие ему по духу изречения, созвучные с содержанием «Записки»: «Le gouvernement monarchique est celui d'un magistrat unique, don't les autres tiennent leurs pouvoirs. Le plus actif d'un gouvernement est celui d'un seul» Руссо [7, с. 178]⁵.

«Ce, qui rend la constitution d'un état véritablement solide et durable, c'est quand les convenances sont tellement observées, que les rapports naturels et les lois tombent toujours de concert sur les mêmes points et que celles-ci ne font, pour ainsi dire, qu'assurer, accompagner, rectifier les autres» [7, с. 181]⁶.

«En toute chose la mutation est à craindre: la mutation des saisons, des vents, des vivres, des humeurs; et nulls loix ne sont en vrai crédit que celles, aux quelles Dieu a donné quelque ancienne durée, de mode, que personne ne sache leur naissance, ni qu'elles ayent jamais été autres» Монтень [7, с. 180]⁷;

Карамзин помещает также в альбоме мысли Руссо о дружбе: «Des âmes humaines veulent être accouplées pour valoir tout leur prix; et la force unie des amis, comme celle des lames d'un aimant artificiel, est incomparablement plus grande, que la somme de leurs forces particulières. Divine amitié! c'est ton triomphe!» [7, с. 188]⁸.

В феврале 1812 г. пребывание Карамзина в Твери, вопреки обыкновению, было безрадостным, омраченным расставанием с любимой женой, тяжело переносившей беременность.

По возвращении он одной строкой упомянул об этой поездке в письме к брату («Великая Княгиня уехала в Петербург. Я был в Твери на один день и простился с нею, надолго, как думаю» [5, с. 484], а прямо из Твери, – 25 февраля – он написал супруге подряд два письма, не будучи уверен, что первое благополучно достигнет адресата. Эти письма еще не попали в круг зрения

⁵ «Монархическое правление есть правление одного, которому другие обязаны своими полномочиями. Наиболее действенное правление есть власть одного». – (Фр.)

⁶ То, что делает основу государства действительно прочной и долговременной, – это обычаи, настолько соблюдаемые, что естественные отношения и законы всегда в точности совпадают, и одни, так сказать, обеспечивают, сопровождают, улучшают другие». – (Фр.)

⁷ «Следует опасаться всяких изменений: времен года, ветров, пиши, настроений; и никакие законы не являются действительно влиятельными, кроме тех, которые Бог дал давно, тех обычаев, происхождения которых никто не знает и которые никогда не были другими». – (Фр.)

⁸ «Человеческие души хотят соединиться, чтобы открылась вся их ценность; сила, притягивающая друзей друг к другу, словно магнитом, неизмеримо больше, чем сумма их отдельных сил. Божественная дружба! Это твой триумф!» – (Фр.)

исследователей и никогда не были напечатаны. Между тем они представляют интерес, живо передавая состояние историографа в тот момент. Карамзин сообщал жене (по-французски), что добрался благополучно, хотя и с опозданием, и что он очень грустит, покинув свою дорогую подругу, что выехав из Москвы, он оставил в ней все свое счастье. Дорогой он десять раз давал себе обещание никогда больше так не делать. Как всегда, он был дружески принят в Твери доброй хозяйкой и получил от нее записку: «Принц принужден по делам ехать сегодня в Петербург, и любезный учитель угощается завтра поутру в 11 часов. Его приезд мне весьма приятен, а Принц грустит, что лишается удовольствия с ним беседовать».

Узнав также, что болен сын Великой Княгини, Карамзин принял решение назавтра же откланяться и поскорее вернуться. «Дай Бог, – пишет он жене, – чтобы я нашел тебя, мое единственное сокровище в мире, в добром здравии, и наших малюток тоже. <...> Тысячу раз обнимаю тебя, мой ангел, мой нежный друг, мое все. <...> Ты скоро снова меня увидишь»⁹.

Письмо Карамзин передал через князя Я.И. Лобанова, который в тот момент отправлялся в Москву.

Проводив князя, Карамзин снова берется за перо: «Милый друг Катенька! Сию минуту отправил к тебе письмо с Яковом Ивановичем Лобановым и писал к тебе, что я приехал сюда не вовремя; что Принц скачет в Петербург; что маленький Принц болен и что я едва ли не завтра прощусь с Великой Княгиней; она велела мне быть к себе в одиннадцать часов утра. Однакож пишу к тебе и через почту на всякий случай, воображая, что князь Яков Иван. (так!) может от забывчивости и не доставить тебе письма моего. Итак, знай, что я слава Богу! здоров и спокоен, а грущу единственно о тебе моей милой. Нет, худо расставаться: дай Бог благополучно возвратиться к тебе, а там уж никогда не тронусь с места. У меня сердце не на месте без моего нежного друга»¹⁰.

Продолжая уже по-французски, Карамзин называет свое состояние подвешенным и, надеясь, что в связи с отъездом принца у великой княгини не будет светских раутов, рассчитывает завтра или послезавтра уехать. Впрочем, добавляет он, «Буди воля Божия!»¹¹.

Переписка Карамзина с Екатериной Павловной продолжалась. Она отправляла ему послания «всегда ласковые и дружеские» [6, с. 161]. «Умею любить Ее сердечно и бескорыстно, – писал он Дмитриеву, – кажется, она этому верит» [6, с. 162].

⁹ Карамзин Н.М. Письма к Е.А. Карамзиной // Отдел Рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 90.

¹⁰ Там же. Л. 90 (об.).

¹¹ Там же. Л. 91 (об.).

Вслед за этим последовала долгая разлука любезного учителя и августейшей ученицы, настала «гроза двенадцатого года», усугубленная потерей родных и близких. Наряду с государственной тематикой встают в письмах проблемы семейные и религиозные. В посланиях, связанных с кончиной первого супруга великой княгини принца Георга Ольденбургского в 1812 г. и смертью первого сына Карамзина (Андрея), формируется тот круг нравственно-философских идей о возвышающем душу страдании, который предстанет и в более поздних письмах Карамзина.

«Кажется, что со времени Вашего несчастья мы любим Вас еще более, – пишет Карамзин Екатерине Павловне 29 ноября 1813 г. – Оно придало Вашей судьбе священный характер: я не умею хорошо выразить эту мысль, но она верна. Удовольствия и само счастье не бесконечны, а возвышенность некоторых горестей в большей степени заставляет нас чувствовать благородство нашего существования, наши права на Божественное. Если бы мы были только благополучны здесь, я бы менее верил в бессмертие души и в доброту Бога. Это парадокс для ума и несомненная истина для чувствительного сердца, познавшего несчастье. Сокрушительные удары судьбы в первое мгновение возбуждают нас против Провидения, но впоследствии укрепляют нашу покорность и устанавливают между людьми и Богом некую близость, дающую нам удовольствие наслаждаться предчувствием Его доброты, ибо мы слишком ограничены в этом мире, чтобы объять все великое в целом и верно постигать его связи.

Простите, Мадам, это не в эпистолярном жанре, но я делаюсь уже слишком стар, чтобы строго следовать приличиям. Я говорю прямо то, что занимает мою душу. Мы похоронили нашего единственного сына шести лет, прекрасного, как ангел, и доброго, как его мать. Я писал Вам мое последнее письмо, будучи в страхе лишиться его; потеряв его, мы вверили милый прах берегам Волги и ехали, проливая слезы, среди руин Москвы. Нам еще остаются три дочери, но я не имею более сына на этой земле, хотя пребываю в надежде вновь обрести его, не знаю, где и как. Я часто беседую с ним, как и с его сестрой, которая тремя годами ранее его последовала в небесную обитель <...> Такие потери приуготовляют нас к тихому переходу туда, откуда я отнюдь не хотел бы выйти в качестве невежды. В ожидании будем говорить о другом. <...> Желая, как и прежде, чтобы время умерило Вашу печаль, я не чувствую себя в достаточной мере ни придворным и ни ритором, чтобы высокопарно выступать против нее <...>» [3, с. 111-112].

Карамзина поначалу воодушевило предложение великой княгини, поддержанное императрицей Марией Федоровной, быть «историком нашего времени», написать о 1812 годе и славе Александра. Историограф ощущал в себе «ревность беседовать с потомством о чудесных действиях

Провидения», отмечал, что «картина минувшего слабо действует на сердце, сильно волнуемое настоящим» [9, с. 35, 37], но вскоре засомневался в своем намерении. В письме к Екатерине Павловне читаем: «Вы меня приглашаете быть историком нашего времени: в первом моем воодушевлении, произведенном великими событиями, я сам думал об этом, но размышления живо представили трудности для моего ума. История <...> любит безмолвие страстей и могил, отдаление и сумерки, и изо всех грамматических времен, более других ей подходит прошедшее законченное. Живое движение, шум настоящего, близость предметов и их слишком яркий свет его оглушают; то, что воспламеняет поэта, оратора, то стесняет историка, который всегда имеет «но» на своих устах» [3, с. 119].

Карамзин полагал, что современникам далеко не всегда может быть ясен «план» Провидения, он постигается лишь на огромной исторической дистанции, спустя годы, а может быть, столетия, когда «вечный чертеж творения открывается уму – цель творения открывается...» [2, с. 176]. Поэтому ближе к истине оказывается суд потомков.

Вовлеченный благодаря Екатерине Павловне в политическую жизнь России, т. е. отступив от должности историографа и попытавшись влиять на современность и на действующего правителя, Карамзин осознавал себя наставником царя и русским гражданином, чье «мнение» будет услышано. Он предпринял не одну попытку обращения (письменного и устного) к императору и порой достигал результата. Не случайно он поместил в подаренном великой княгине альбоме следующий отрывок из Монтеня: «C'est un plaisir fade est nuisible d'avoir à faire à gens, qui nous admirent et fassent place. Il n'est aucune condition d'hommes, qui ait si grand besoin, que ceux là, de vrais et libres advertissemens. Il soutiennent une vie publique et ont à agréer à l'opinion de tant de spectateurs, que comme on a accoutumée de leur taire tout ce, qui les divertit de leur route, ils se trouvent, sans le sentir, engagés dans la detestation de leurs peuples, pour des occasions souvent, qu'ils eussent pu éviter, à mal nul intérêt de leurs plaisirs mêmes, qui les en eût advisés et redressés a tems» [7, с. 176]¹².

Сообщество людей мыслилось Карамзиным как единство душ, нуждающихся друг в друге и образующих нечто целое, единую мировую душу, с общими страданиями, с пороками и добродетелями, и в ней, как в душе каждого человека, силы добра должны восторжествовать над силами зла. В результате объединения людей силы добра становятся неизмеримо больше,

¹² «Это пошлое и низкое удовольствие подчинять себе людей, которые нами восхищаются и уступают нам во всем. Никто так не нуждается в искренних и свободных предупреждениях, как государи. Они поддерживают общественную жизнь и принуждены учитывать мнение стольких зрителей, что, привыкши к замалчиванию всего, что отвлекает их с их пути, оказываются, не чувствуя этого, ненавидимыми своими народами, часто по случаям, коих могли бы избежать, если были бы о них предупреждены заранее и исправили вовремя» - (Фр.).

чем их простая сумма. О том, что хорошим людям нужно объединиться, Карамзин писал еще в 1803 г.: «На свете есть только одна хорошая партия: друзей человечества и добра» [1, с. 356]. Сложившиеся впоследствии дружеские отношения с Екатериной Павловной позволяли ему верить, что такая партия возможна. Дружба рассматривалась им как долг и добродетель. Долг подданного неотделим был от живого чувства привязанности и искренней любви.

Именно она побудила его к созданию «Записки о древней и новой России», подвигла к самой необходимости влиять на царя во имя принятия мудрых решений. Пережитые вместе с нею испытания войны 1812 года¹³, судьба России и судьба Наполеона утвердили Карамзина в «неизменности законов высшей справедливости», которым «нельзя противоречить без наказания», он готов был поверить что «небо помирилось с бедным человечеством». Вместе с великой княгиней он утешался надеждами на светлое будущее, на «доброе управление» в России, чье «тело еще очень здоровое и крепкое: надобно только помочь природе простыми лекарствами, извлеченными из местных растений, а не экзотических – и все пойдет хорошо». «Времена, в которые мы живем, – писала Екатерина Павловна историографу, – заслуживают быть описанными вашим пером» [3, с. 117].

От августейшей корреспондентки Карамзина исходило ощущение счастья, которым ее «прекрасная душа» наслаждалась в настоящем и в предвкушении будущего. Казалось, столь желанный «нежный союз чувств и всеобщее благоденствие» уже наступают.

Вместе с тем в карамзинских письмах звучали и совсем другие мотивы, его «любимые парадоксы» (Пушкин). Он признавался, что почти не пишет историю, что не постигает истины бытия и надеется прозреть лишь в лучшем мире, что лишь страдания делают нас достойными божественной любви. Эти мысли, высказанные Карамзиным в письмах к той, кого он называл, сообщая о ее смерти И.И. Дмитриеву, «благодетельным существом» для души своей [6, с. 255], получили развитие, укрепились в более поздние годы и привели в конечном счете к отказу от работы над «Историей государства Российского» и к упованию на пробуждение от сна жизни.

После кончины Екатерины Павловны (1818 г.) Карамзин постепенно устраняется от вмешательства в государственные дела¹⁴ и, в конце

¹³ 13 ноября 1812 г. великая княгиня писала Карамзину по-русски (!): «Все мы терпим по одной причине, мы терпим за мать, за славную Россию, но можем ею гордиться и гордо скажем поработенным иноземцам: вы собрались со всех краев света, пришли с огнем и мечом, но мы, обращая грады наши в пепел, предпочли разорение их осквернению, и сим дали вам великий пример; славная наша столица погибла, мы не колебнулись: вы ожидали мира, нет, мы вам готовим смерть, на ваших могилах восстанут грады наши, яко на славнейшем подножии» [4, с. 105].

¹⁴ В 1821 г. Карамзин составил еще один альбом с выписками для императрицы Елизаветы Алексеевны, где вновь привел мысли европейских философов о государстве и самодержавии.

концов, отказывается быть не только наставником царя, но и историографом.

Рассмотренные здесь документы отражают духовно-нравственные и морально-политические идеалы великих людей России, и то же время передают потребность российского историографа в понимающем собеседнике, близком человеке, связанном с ним и чувством дружбы, и ответственностью за судьбы отечества.

Исследовательское прочтение карамзинских писем дает возможность увидеть те значительные изменения, которые произошли за годы длительной переписки в мировосприятии российского историографа, по-новому осмыслить его духовно-нравственную личность.

Переписку Карамзина с Екатериной Павловной можно рассматривать как знак единодушия корреспондентов в области политической истории и нравственной философии. Кроме того, существование Альбома, равно как и «Записки о древней и новой России» показывает, что изучение писем Карамзина в аспекте адресации должно быть дополнено тщательным исследованием исторического и литературного контекста не только как источника комментирования, но как ключа к пониманию мировоззренческой позиции писателя и человека. И наоборот, внимательное прочтение переписки двух неординарных корреспондентов может способствовать прояснению самого внутреннего состояния русского общества в один из наиболее политически напряженных и драматических моментов российской истории.

Литература и источники:

Источники

1. Вестник Европы. – 1803. – Ч. 9.
2. Детское чтение для сердца и разума. – 1787. – Ч. XII.
3. Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. – Ч. 1. – СПб., 1866.
4. Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Николай Карамзин [Сборник]. – М., 1998.
5. Карамзин Н.М. Письма к брату В.М. Карамзину (1799-1826) // Атений. – 1858. – № 23.
6. Карамзин Н.М. Письма И.И. Дмитриеву. – СПб., 1866.
7. Лыжин Н. Альбом Н.М. Карамзина // Летописи русской литературы и древности. Т. 1-5. Т. 1. Кн. II. – М., 1859.
8. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 17 т. Т. 12. – М.: Воскресенье, 1994.
9. Русская старина. – 1898. – № 10.

вии, о христианской политике, о добродетели, о дружбе и любви [См.: Карамзин Н.М. Альбом с различными выписками (Стихи, пословицы и др.) // ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Т. 1. Индекс 567.

Литература

10. *Лотман Ю.М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // Лотман Ю.М. Карамзин. Сотворение Карамзина. Статьи и исследования 1957–1990. Заметки и рецензии. – СПб., 1997.

11. *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. Ч. 1-2. – М., 1866.